

Первый карантин: как чума стала политическим заболеванием

АЛЕКСАНДР ВИЛЕЙКИС

Основатель, Центр новой философии (ЦНФ, Москва); сотрудник, Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет (ТюмГУ). Адрес: 625003, Тюмень, ул. Ленина, 23.
E-mail: alexandro.vileykis@gmail.com.

Ключевые слова: чума; карантин; Лондон; Роберто Эспозито; Эрнст Гилман; медицина; биополитика; Мишель Фуко; власть; контроль; паноптикон; театр; иммунитет; государство; Англия.

Великая чума 1665–1666 годов стала одной из отправных точек рождения биополитики в современном виде. Введенные правительством карантинные меры считаются эффективными с точки зрения медицины начиная с середины XVIII века. Вместе с тем современники были уверены, что государство лишь усугубило положение населения Лондона. Автор статьи описывает, почему чума вызвала столь противоречивое отношение в Англии и как из множественного объекта болезнь превратилась в «удобный, одомашненный» концепт. Задаваясь вопросом о том, почему моральная оценка мер настолько разнится за прошедшие сто лет, он показывает, как лондонский карантин повлиял на «гигиеническую революцию».

Кроме исторического интереса, рассматриваемый случай служит важным примером для методологии STS, так как показывает невозможность полного описания процесса

развития карантина и последующей медицины в терминах конфликта разных акторов. Чтобы понять, почему эти меры стали впоследствии восприниматься подобным образом, автор предлагает обратиться к концепту лавкрафтианского ужаса, позволяющему описать ситуацию «столкновения» с чумой. Описывая, как биополитика обеспечила снятие морального напряжения от сосуществования различных трактовок причин эпидемии, автор реконструирует процесс ретроспективного создания «мифа» об успешном карантине. Он противопоставляет логику «множественности» унифицирующим описаниям и тем самым показывает, с какими проблемами может столкнуться «размытая» онтология на фоне кризиса повседневности. Это рассуждение о том, почему сложно сохранять нестабильные объекты, которые несут в себе потенциал для освобождения от логики пасторальной заботы.

ЧУМА посетила Лондон в 1665 году, забрав четверть населения города. Опустевшие улицы, подобные черным дырам выгребные ямы, куда скидывали мертвецов телегами, ежедневная хроника умерших, памфлеты, в которых грамотная часть населения молила о спасении и пыталась понять — за что? Городской администрацией были приняты жесткие карантинные меры, отличающиеся от предыдущих исторических эпох двумя факторами: унификацией и медиализацией.

Одинаковые ограничения распространялись на большинство населения, каждый отныне был равен перед болезнью. Любое допущение о немедицинском происхождении болезни каралось смертью — власть пресекала любые попытки иной концептуализации недуга. За всеми действиями системы здравоохранения лежали одни и те же убеждения. Правительственная логика во время эпидемии стала оперировать концептом «народ».

Ранние карантинные меры не были полноценной политической мерой. Окутанные страхом, суевериями, неприятием чужаков и жадной наживы, власти использовали меры по предотвращению эпидемии как инструменты в торговых войнах, этнических конфликтах и перестройке городских территорий (зачистке районов с потенциально высокой ценой на землю, где по старым правам живут бедняки¹). Карантин не представлял собой полноценного обмена, в котором государство использовало здоровье в качестве «валюты».

Классическое различие Мишеля Фуко² о праве давать смерть и его менее популярное продолжение о праве давать жизнь зарождается во время лондонского карантина. Политический режим объявляет здоровье нации сферой собственных интересов: если раньше граждане были предоставлены сами себе, то теперь тело государства стало буквально телом его народа. Вместо заботы об определенных частях населения, например королевских

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ и фонда «За русский язык и культуру» (РЯИК) в рамках научного проекта № 20-511-23001 РЯИК.

1. Сеннет Р. Плоть и камень: тело и город в западной цивилизации. М.: Стрелка, 2016.
2. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010.

семьях континентальной Европы или горожанах Венеции, которых защищали от болезней, предположительно распространяемых мигрантами, объектом медицинских мер стали все жители страны³. Лондонский карантин применялся к «населению», или «народу», как отдельной сущности, о которой необходимо проявлять пасторальную заботу, а отношения между больным и врачом стали включать в себя моральный долг со стороны зараженного⁴.

Данные элементы, вместе с проявлением повсеместной жестокости по отношению к гражданскому населению, позволяют говорить о зарождении биополитики в современном виде на зачумленных улицах Лондона. Карантин стал политической мерой. Чума превратилась в полноценного врага государства. Гигиена стала светской религией. Как это произошло?

Научная литература последующих эпох говорит о карантине как единственной эффективной мере по защите от эпидемий. Медицинские трактаты XVIII–XIX веков поют хвалебные оды жестким действиям лондонского правительства во время Великой чумы (1665–1666). После гигиенической революции карантин стал мерой «по умолчанию» в ситуации любого эпидемиологического кризиса, когда не существует действенного лекарства от болезни. Выстраивается логичная картина: меры по ограничению перемещения населения спасли многие жизни во время чумы, значит, в любой подобной ситуации они будут эффективными. Правительство Лондона действовало в интересах «народа», будучи намного более просвещенным о природе чумы, нежели сопротивляющиеся карантину обыватели.

Этой стройной картине противоречат рассказы переживших Великую чуму. Непосредственные свидетели называют правительственные меры жестокими и неэффективными, а события закрытого Лондона — ужасом, трагедией. Почему образовался эпистемологический разрыв между свидетельствами очевидцев и последующей научной рефлексией, между художественной литературой и академией? Когда простые жители называют государственные действия преступными, распоряжения местных властей убийствами, а просвещенная публика спустя век говорит об исключительной эффективности карантинных мер?

3. *McGough L. Gender, Sexuality, and Syphilis in Early Modern Venice: The Disease That Came to Stay. L.: Springer, 2010.*

4. О концепции морали в медицине см., напр.: *Williams E. A. The Physical and the Moral: Anthropology, Physiology, and Philosophical Medicine in France, 1750–1850. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.*

На первый взгляд, мы имеем классический кейс для современных STS-исследований⁵. Существует несколько сетей акторов: «правительство», «гигиенисты», «обыватели», «теологи». И на момент Великой чумы приходится апогей их конфликта, где «правительство» переводит болезнь на язык «гигиенистов», так как у них существует общий интерес — сохранить текущий политический порядок и закрепить гигиеническую логику внутри медицинского сообщества, что в реалиях Лондона XVII века одно и то же. У них это получается, и спустя примерно сто лет, уже после «гигиенической революции», ученые ретроспективно конструируют успешность карантина, так как он вписывается в новую эпистему, а противоречащие факты объявляются художественными допущениями.

Существует причина, по которой данная объяснительная модель не схватывает ключевой сюжет произошедшего. Это ужас, ставший следствием «множественности» чумы, и политизация болезни, превратившаяся в один из наиболее ранних сюжетов биополитики «нового времени». Победа «гигиенистов» и «политиков» строилась не на эффективности их действий, а на психологической травме⁶, постоянно переживаемой населением, от которой помогло избавиться упрощение картины мира.

Мор многоликий

Чума никогда не была единым объектом. Современная медицинская антропология доказывает эту мысль в отношении практически любого заболевания. Впрочем, современность создает видимость устойчивости объектов — в массовом сознании мы до-

5. См., напр., классическое исследование Бруно Латура: *Латур Б. Пастер: война и мир микробов; с приложением «Несводимого»*. СПб.: ЕУСПб, 2015. Для данного рассуждения применяется схожая с Латуром логика; впрочем, в основу теоретического аппарата не вкладывается метафора войны, как и любая иная, потому что подобное описание исключало бы множественность чумы и ужас, который эта множественность порождает. Реконструкция логики французского мыслителя приводится исключительно в качестве аналогии того, как на данную проблематику можно посмотреть с точки зрения STS.
6. Концепт травмы; используется в том же значении, что и у Тимоти Мортонa: *Morton T. Humankind: Solidarity With Nonhuman People*. Brooklyn: Verso Books, 2017. Речь идет о дестабилизации собственной «картины мира» — существовании в ситуации, когда ни одна объяснительная модель не схватывает ситуации целиком и наблюдатель вынужден испытывать постоянное чувство «беспокойства» от возможности обрушения собственного миропорядка. Во многом данная проблематика обозначена в работе Делёза: *Deleuze G. What is grounding*. Michigan: K& Publishing, 2015.

статочно точно можем очертить границы болезни, а рассуждения о «гибридности»⁷ объектов остаются уделом философов и фундаментальных теоретиков от медицины.

Для средневекового англичанина не существовало «удобной», разумной картины чумы — болезнь могла быть актом божественной воли, вторжением извне, свидетельством собственной порочности или, напротив, святости. Это изменится во время Великой чумы⁸, когда заболевание станет «удобным», по крайней мере с точки зрения восприятия.

До лондонского карантина правительство разными способами пыталось ограничить распространение болезни или хотя бы успокоить население, создать подобие порядка. Запреты на театральные представления⁹, ограниченные права на въезд и выезд из города, запрет на внешнюю и внутреннюю торговлю. Впрочем, важно понимать, что вводимые меры до 1665–1666 годов носили хаотичный характер и не были систематизированы. Каждый раз реакция властей на «посещение»¹⁰ болезни была различной и зависела от множества факторов — чума даже не всегда воспринималась как однозначно кризисное явление.

Такие меры, как ограничение театральных представлений, запрет на въезд и выезд из города и регуляция торговли, кажутся рядоположенными как способы ограничить распространение болезни. Когда они применяются сегодня — это действительно так: за каждым из действий лежит логика избегания массового скопления и перемещения людей. В средневековой Англии за любой из этих мер лежали разные представления о сущности чумы.

Запрет на театральные постановки исходил из более раннего медицинского представления о распространении болезней. Проблема «действия на расстоянии»¹¹, когда один объект влияет

7. *Pelling M.* The Meaning of Contagion: Reproduction, Medicine and Metaphor // *Contagion: Historical and Cultural Studies* / A. Bashford, C. Hooker (eds). L.; N.Y.: Routledge, 2001. P. 15–38.
8. «Дневник чумного года» — художественная, но достаточно полная иллюстрация произошедшего в городе во время вспышки чумы 1665–1666 годов: *Дефо Д.* Дневник чумного года / Пер. с англ. К. Н. Атаровой. М.: Наука, 1997.
9. *MacKay E.* Persecution, Plague, and Fire: Fugitive Histories of the Stage in Early Modern England. Chicago: University of Chicago Press, 2011; *Representing the Plague in Early Modern England* / R. Totaro, E. B. Gilman (eds). L.: Routledge, 2010.
10. Многие источники указывают, что болезнь «посещает» город, а не «вспыхивает», «приходит», «появляется».
11. *Pantin I.* Fracastoro's De Contagione and Medieval Reflection on 'Action at a Distance': Old and New Trends in Renaissance Discourse on Contagion // *Imagining Contagion in Early Modern Europe*. L.: Palgrave Macmillan, 2005. P. 3–15.

на другой, не являясь при этом его частью, была ключевой для медицинской мысли XII–XV веков. Объяснив, как человек заболевает, сталкиваясь с чем-то похожим на «ростки» болезни¹², заложенные внутри него, ученые одновременно решали проблему внешнего влияния и оставляли теоретическую возможность исцеления больного. Поэтому к пародиям, подобию и даже глазам средневековые англичане относились более чем серьезно, потому что они могли вызывать недуг или наслать порчу. Театр, одно из наиболее популярных развлечений для жителей Лондона, «пародировал» настоящую жизнь, тем самым вызывая политические нападки.

Запреты на торговлю исходили из представления о «чужеродности» заболевания. Чуму связывали с торговлей, потому что она, подобно любому внешнему воздействию, ставила под угрозу герметичность политического организма.

Медицина, а в особенности иммунология, имеет политическое происхождение — само понятие «иммунитет»¹³, что общеизвестно, исходит из римского права. Государство в Средние века воспринималось в качестве организма, колоссального тела. Сама по себе метафора имеет долгую историю, восходя к Галену и грекам; важным изменением трактовок в XV–XVII веках является появление торговцев и купечества среди основных ролей, элементов, частей тела организма-государства. Обычно экономическим регионам отводилась роль желудка или кишечника, а описание было насыщено словом «брожение», но самое важное — именно им уделялась функция взаимодействия с внешним миром.

Организм — замкнутая система, направленная на самосохранение. Галеновский тезис во многом определил будущее медицины и политики на ближайшую тысячу лет. Любое взаимодействие с чем-то иным рассматривалось в первую очередь как угроза стабильной гармонии, внутри которой существовало государство. Определение торговли как «контакта» с внешним миром¹⁴ держало ее под постоянной угрозой со стороны властей, так как, несмотря на прибыль, она «ломала» целостность государства. Англичане предполагали, что чума не только пришла из-за канала, но и является прямым следствием торговых отношений. Поэтому зачастую до Великой чумы городские рынки и уличная торговля

12. *Beecher D. Windows on Contagion // Imagining Contagion in Early Modern Europe. P. 32–46.*

13. *Esposito R. Immunitas: The Protection and Negation of Life. Cambridge; Malden: Polity, 2011.*

14. *Сонтаг С. Болезнь как метафора / Пер. с англ. М. Дадяна, А. Соколинской. М.: Ad Marginem; Музей современного искусства «Гараж», 2016.*

оказывались вне закона во время вспышек болезни, что, впрочем, не мешало им развиваться самыми бурными темпами в те периоды, практически полностью уходя в теневой сектор. Для предприимчивых дельцов чума являлась отличным окном возможностей к личному обогащению, даже учитывая риск заразиться и умереть.

Чума была одновременно следствием «пародии» на жизнь и результатом неумных appetites торговцев. В этих тезисах прослеживается нечто общее — понимание болезни как чего-то аморального. Третья популярная логика отличалась от первых двух именно в данной плоскости.

Теологическое измерение проводило границу между чумой и другими бедствиями потому, что в англоязычных трактовках Писания слова «мор» и «слово» (которые имеют одинаковое написание в иврите) сохраняют двойную коннотацию, а не переводятся просто в качестве «мора»¹⁵. Поэтому эпидемию нельзя было назвать однозначно гневом божественным — она одновременно являлась способом высказывания высших сил. Для англичан Бог изъяснялся посредством мора, тем самым проводя границу между теми, кто спасется, и теми, кто останется на Земле. Средневековая Англия — не единственное место, где чуму воспринимали подобным образом: для современников с Ближнего Востока¹⁶ первая и вторая пандемии обладали тем же сакральным значением. От болезни не надо бежать, потому что это божественная милость и избрание, что для большинства людей создавало ситуацию морального конфликта.

До XVII века англичане зачастую не уничтожали крыс, а «охота на ведьм» не обладала общеевропейским размахом по тем же самым причинам. Считалось, что ведьмы, грызуны и другие представители «темных сил» являются такими же инструментами «божественной воли», и поэтому их убийство становилось невозможным¹⁷. Отношение к болезни как к проявлению божественного закона позволяло сохранять одни жизни и загоняло других людей в моральную ловушку.

15. *Gilman E. B. Plague Writing in Early Modern England. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2009.*
16. *Conrad L. I. Epidemic Disease in Formal and Popular Thought in Early Islamic Society // Epidemics and Ideas: Essays on the Historical Perception of Pestilence / T. O. Ranger, P. Slack (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 77–99; Hopley R. Contagion in Islamic lands: Responses From Medieval Andalusia and North Africa // Journal for Early Modern Cultural Studies. 2010. Vol. 10. № 2. P. 45–64.*
17. *Doty M. et al. Rats, Witches, Miasma, and Early Modern Theories of Contagion // Cole L. Imperfect Creatures: Vermin, Literature, and the Sciences of Life, 1600–1740. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2016. P. 24–48.*

Человек вынужден испытывать два противоречащих друг другу стремления: сохранить собственную жизнь любыми средствами и одновременно сохранить бессмертную душу. Спасая первую, разумно убежать из зачумленного города, как из огня пожара, но, чтобы освободить вторую, необходимо принять смерть от руки Господа, его речи, его закона. Таким образом, человек помещается в ситуацию нестабильности морального порядка, где любое решение не является полностью оправданным.

Данная дилемма никогда не была внутренней — окружающие жестоко осуждали тех, кто бежал из города в предместья ради сохранения собственных жизней, усиливая моральные терзания. Для многих жизнь в загородных поместьях в период свирепствования мора была настолько невыносимой, что они возвращались в зачумленный Лондон. Терзаемый Бен Джонсон, пытаясь искупить внутреннюю вину в творчестве, пишет «Алхимика»¹⁸, где вскользь упоминает, насколько сложно было справиться с осуждением современников. Подобное состояние приводило к ужасным последствиям для психологического состояния англичан той эпохи, по крайней мере тех, чьи письменные свидетельства сохранились и дошли до наших дней, то есть образованной части населения¹⁹. Впрочем, для бедных ситуация была хуже, так как возможностей к спасению не оставалось даже потенциально.

Вина была тенью чумы. Болезнь приходила вместе с самобичеванием, самообвинением и лжесвидетельствованием против себя. Мор был ужасен потому, что моральный порядок не совпадал с логикой выживания. Законным и правильным было умереть от болезни, но людям хотелось выжить.

Современному человеку сложно представить подобное напряжение. Соблюдение мер по борьбе с болезнью — ношение маски, применение антисептика, карантин, применение лекарств — средства, которые не всегда могут гарантировать выживание (страх умереть остается), но при этом дарят ощущение солидарности и морального включения в сообщество. Лозунг *Stay Home — save lives* — яркий пример подобных общих чувств, создающих моральный консенсус вокруг эпидемии. Во всяком случае на уровне большинства болезней медицинская система старается исключить измерение вины²⁰.

18. Gilman E. B. Plague Writing in Early Modern England.

19. Rolfe K. Fatal and Memorable: Plague, Providence and War in English Texts, 1625–1626 // The Seventeenth Century. 2020. Vol. 35. № 3. P. 293–314.

20. См., напр.: Вилейкис А. «Все на борьбу с коронавирусом». Почему война с эпидемией приводит к тотальному контролю над людьми // Нож. 13.03.2020. URL: <https://knife.media/virus-culture>.

Даже заболев, человек понимает, что, выполняя требования местных медицинских организаций, он поступает правильно.

Современники Великой чумы были лишены этого — они существовали, застряв в ситуации выбора между моральной гибелью и аморальным выживанием. Более того, они не могли даже сформулировать, чем все же является мор — «пародией на жизнь», «последствием алчности», «божественным спасением» или просто бедствием. Разная природа мора не позволяла выработать единый способ взаимодействия с ним, лишь повышая неопределенность.

Данное состояние лучше всего описать термином *double bind*²¹ — когда у человека есть два противоречивых сигнала, подаваемых одновременно. Оно не может сохраняться достаточно долго, так как требует разрешения в пользу одной «истинной» реальности или приводит к помутнению рассудка. Жиль Делёз и Феликс Гваттари описывают его как ситуацию «без основания», ситуацию «парадокса», как форму некоторого освобождения, создающую неуверенность в любом из законов, потому что они равновозможны. Впрочем, реальность зачумленной Англии показывает необходимость масс иметь «устойчивое основание».

Политический философ Джорджо Агамбен в эссе о Кафке²² достаточно полно описывает человека, который находится в постоянном повторяющемся состоянии турбулентности, когда внутренняя невиновность сталкивается с обвинением со стороны правящего политического порядка. Почему невиновный в конце концов начинает лжесвидетельствовать против себя самого? Дело не только в пытках, но во внутреннем стремлении «привести мир в соответствие». Виновность избавляет от внутреннего парадокса, тем самым позволяя «решить» эту двойственность и принять одну реальность в качестве устойчивой. Подобной логикой руководствуются многие пенитенциарные учреждения, описанные Мишелем Фуко²³ и его последователями в качестве примеров биополитики.

Страх неопределенности — одна из наиболее тяжелых эмоций, возможных в человеческом восприятии. Современным жителям крупных городов он все же знаком, так как здесь не существует жесткого социального порядка, расписания и постоянного морального контроля со стороны других членов сообщества. Впрочем, во многом именно «турбулентность» становится причиной

21. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург; М.: У-Фактория; Астрель, 2010.

22. Агамбен Д. Нагота. М.: Грюндриссе, 2014.

23. Фуко М. Рождение биополитики.

многих психологических заболеваний — депрессии, апатии, депривации сна²⁴.

Ужас неопределенного включен в жизнь современного горожанина²⁵, по крайней мере является устойчивым фоновым элементом восприятия. Экономика и социальные отношения городов устроены таким образом, что вынуждают население самостоятельно придумывать себе занятия. «Город-механизм», в котором каждый житель — функция, хорошо отлаженный винтик, находящийся на своем месте, — фантазия посредственных утопистов. Практически любое произведение в жанре стимпанк, для которого идея механизма (как и для социальных теоретиков XIX века) — центральная рабочая метафора, показывает горы брошенных, страдающих от безделья и неопределенности людей за промасленным ореолом отлаженной паровой машины.

Поскольку город «освобождает», он наделяет жителя «правом на одиночество»: человек сам до определенной степени вынужден заставлять себя «желать»²⁶. Конечно, кушетка психотерапевта, убойная доза сладкого или погружение в рутину позволяет отодвинуть чувство тревоги на второй план, не обрушивая картину мира целиком. Житель мегаполиса знает, что турбулентность существует и, во всяком случае, понимает, как можно с ней жить. Тем не менее любой сдвиг устойчивых порядков, как, например, современная пандемия *COVID-19* или теракты 11 сентября 2001 года, приводит к вспышкам психологических проблем²⁷.

Как ужас «турбулентности» переживают люди, изначально не подготовленные к нему? Подобное явление имело место в начале XX века, когда вследствие массовой урбанизации огромные массы сельского населения переехали на постоянное место жительства в крупные города: волны самоубийств, депрессия и слом социальных отношений — то, что в социальной теории описывалось в терминах «аномии»²⁸.

Население Англии XVII века похоже именно на такой случай — напуганные нестабильностью массы населения, оказав-

24. Trigg D. Topophobia: A Phenomenology of Anxiety. L.: Bloomsbury, 2016.

25. Ханова П. Темные города: темная экология и Urban Studies // Логос, 2019. Т. 29. № 5. С. 132.

26. В этой связи можно обратить внимание на работу: Зиммель Г. Личность Бога // Избр. Проблемы социологии. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.

27. The Promise of Infrastructure / N. Anand et al. (eds). Durham: Duke University Press, 2018.

28. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / Пер. с фр. А. Н. Ильинского, под ред. В. А. Базарова. М.: Юрайт, 2019.

шился в моральной ловушке. Карантин 1665–1666 годов был актом беспрецедентной государственной жестокости, проявления и во многом — рождения биополитики.

Постоянное требование сегрегации морального порядка — разделение обоснованных и необоснованных решений — нормальная ситуация любого сообщества. Гигиеническая логика, показывающая чуму в лице болезни, а не божественного суждения, отвечала запросу населения на быстрое и логичное решение проблемы. Поэтому карантинные меры удачно ложатся в эпистему «гигиены»: для образованной части населения предложенная картина мира становится ловким упрощением, снятием нестабильности, моральных терзаний и сомнений — чума всего лишь болезнь, с которой необходимо бороться медицинскими мерами.

На данном этапе понятно, почему впоследствии карантин так легко вписался в картину мира «гигиенической медицины» и стал считаться универсальным средством по сопротивлению эпидемии. Открытыми остаются два вопроса: о причинах, по которым английское правительство ввело столь жесткие меры в 1665 году, и о реальной действенности карантина во время Великой чумы.

Мор политический

Чтобы ответить на первый вопрос, необходимо сделать отступление: чем английское политическое устройство отличается от общеевропейского? Ключевым фактором является отношение между бедствием и властью. Во многом форма правления в Англии была подобна китайскому «небесному мандату»²⁹, когда легитимность исходит из благополучия населения и утрачивается в случае кризиса. До вспышки чумы XVII века династические кризисы совпадали по времени с крупными социальными потрясениями, что подтверждало в глазах народа идею правления, благословенного небесами. Пока в королевстве люди сыты и довольны — власть легитимна; как только происходит бедствие — божественные силы показывают необходимость сменить правление, так как текущие правители утратили благословение на трон.

Во время Великой чумы любые предположения о немедицинском происхождении чумы считались преступлением. Публичное высказывание подобных точек зрения каралось смертью, перемещения горожан (а зачастую жителей отдельных районов) строго ограни-

29. Jiang Y. *The Mandate of Heaven and the Great Ming Code*. Seattle; L.: University of Washington Press, 2011.

чивались, некоторые кварталы сжигались, были устроены масштабные городские кладбища — ямы, некоторые зараженные деревни в предместьях были полностью закрыты, любые массовые скопления людей запрещены, торговля перекрыта. Население в период карантина было лишено практически всех политических прав: государство в любой момент могло постучаться в двери руками солдат и расселить неугодный дом или повесить подозрительного человека.

Подобные меры сочетались с логикой гигиены — популяризация мытья³⁰, проветривание помещений, борьба с паразитами и грызунами. Государство в каждом памфлете повторяло: «Чума — это просто болезнь, с которой мы будем бороться».

Современники не поддерживали правительственные меры, как и не выступали против — они попросту пытались выжить. Чума забрала четверть населения Лондона и уничтожила несколько окрестных городов целиком. Почему настолько критические последствия уже спустя полтора века будут считаться «успешной практикой по борьбе с эпидемиями»?

Ответ достаточно прост: чума не повторилась в подобном масштабе, карантин отвечал представлениям «гигиенистов» о распространении болезней, а политическому режиму удалось выстоять. Великая чума и последствия во многом предопределили отношения между государством и человеком. До «гигиенической революции» здоровье было частным делом каждого гражданина, как и обращение к системе здравоохранения. Добрый правитель мог предоставить условия для развития врачебного дела, тем самым проявив милосердие и заботу о своем населении. После унификации и медиализации эпистемологий болезни забота о здоровье стала моральным долгом, больной превратился в преступника, а государство стало считать народ собственным телом. Не случайно «Левиафан» Томаса Гоббса, представляющий именно эту иллюстрацию, пишется примерно в то же самое время, когда «гигиена» набирает силу.

Данные отношения «народа и власти» во многом остаются актуальными. Политический философ Джорджо Агамбен³¹ описывает любое современное государство в подобной логике, когда выделяется часть населения, становясь абстрактным «Народом», ради которого остальное население ущемляется в правах и превращается в «топливо» для обеспечения блага избранных, за счет под-

30. *Spinage C. A. The Second Great Plague in Britain // Idem. Cattle Plague: A History. Boston, MA: Springer, 2003. P. 161–188.*

31. *Агамбен Д. Что такое народ? // Он же. Средства без цели. М.: Гилея, 2015. С. 36–43.*

держки которых и достигается легитимность. Важно и то, что «Народ» — всегда понятие абстрактное. Лондонский карантин является примером, если не прародителем данной логики — абстрактное здоровье населения ставится во главе угла, ради которого можно поступиться благополучием каждого отдельного гражданина.

Мор современный

Одним из ключевых концептов современной гуманитарной мысли является «множественность». Множественная природа болезни по Аннмари Мол, гибриды и разного рода становления Донны Харуэй, размытый мир, предлагаемый Тимоти Мортонем, мультиперспективизм Бруно Латура и т. д. Практически любой автор отказывается от «удобной» картины мира в пользу нестабильных, сложных онтологий. Данная картина мира справедлива, когда речь идет о чисто исследовательских вопросах. Впрочем, как только философия сталкивается с повседневностью, «множественность» становится слишком дорогим концептом, чтобы оставаться рентабельной.

Сегодня человечество переживает крупную эпидемию, которая сильно пошатнула повседневный мир, и на смену рассуждениям о сложности и размытости приходят солидарность и «удобная логика». Трудно сказать, кто прав в этом споре, — актуальные медицинские исследования говорят о возможности формирования естественного иммунитета, который избавил европейцев от чумы за три сотни лет. Некоторые историки утверждают, что пожары, перестройка городов и исчезновение некоторых видов грызунов не позволили чуме повториться. Возможно, уверенность в эффективности карантинных мер была обоснована ретроспективно. Впрочем, несмотря на всю проблематичность, множественность отказывает в «упрощении» картины мира, тем самым позволяет подвергать сомнению меры и сопротивляться логике «морального долга», который навязан «народу».

Библиография

- Агамбен Д. Нагота. М.: Грюндриссе, 2014.
- Агамбен Д. Что такое народ? // Он же. Средства без цели. М.: Гилея, 2015. С. 36–43.
- Вилейкис А. «Все на борьбу с коронавирусом». Почему война с эпидемией приводит к тотальному контролю над людьми // Нож. 13.03.2020. URL: <http://knife.media/virus-culture>.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург; М.: У-Фактория, Астрель, 2010.
- Дефо Д. Дневник чумного года. М.: Наука, 1997.
- Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М.: Юрайт, 2019.

- Зиммель Г. Личность Бога // Избр. Проблемы социологии. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
- Латур Б. Пастер: война и мир микробов; с приложением «Несводимого». СПб.: ЕУСПб, 2015.
- Сеннет Р. Плоть и камень: тело и город в западной цивилизации. М.: Стрелка, 2016.
- Сонтаг С. Болезнь как метафора. М.: Ad Marginem; Музей современного искусства «Гараж», 2016.
- Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010.
- Ханова П. Темные города: темная экология и Urban Studies // Логос. 2019. Т. 29. № 5. С. 71–86.
- Beecher D. Windows on Contagion // *Imagining Contagion in Early Modern Europe*. L.: Palgrave Macmillan, 2005. P. 32–46.
- Conrad L. I. Epidemic Disease in Formal and Popular Thought in Early Islamic Society // *Epidemics and Ideas: Essays on the Historical Perception of Pestilence* / T. O. Ranger, P. Slack (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 77–99.
- Deleuze G. *What Is Grounding*. Michigan: K& Publishing, 2015.
- Doty M., Waterston D., Swarm A. Rats, Witches, Miasma, and Early Modern Theories of Contagion // Cole L. *Imperfect Creatures: Vermin, Literature, and the Sciences of Life, 1600–1740*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2016. P. 24–48.
- Esposito R. *Immunitas: The Protection and Negation of Life*. Cambridge; Malden: Polity, 2011.
- Gilman E. B. *Plague Writing in Early Modern England*. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2009.
- Hopley R. Contagion in Islamic lands: Responses From Medieval Andalusia and North Africa // *Journal for Early Modern Cultural Studies*. 2010. Vol. 10. № 2. P. 45–64.
- Jiang Y. *The Mandate of Heaven and the Great Ming Code*. Seattle; L.: University of Washington Press, 2011.
- MacKay E. *Persecution, Plague, and Fire: Fugitive Histories of the Stage in Early Modern England*. Chicago: University of Chicago Press, 2011.
- McGough L. *Gender, Sexuality, and Syphilis in Early Modern Venice: The Disease That Came to Stay*. L.: Springer, 2010.
- Morton T. *Humankind: Solidarity With Nonhuman People*. Brooklyn: Verso Books, 2017.
- Pantin I. Fracastoro's De Contagione and Medieval Reflection on 'Action at a Distance': Old and New Trends in Renaissance Discourse on Contagion // *Imagining Contagion in Early Modern Europe*. L.: Palgrave Macmillan, 2005. P. 3–15.
- Pelling M. The Meaning of Contagion: Reproduction, Medicine and Metaphor // *Contagion: Historical and Cultural Studies* / A. Bashford, C. Hooker (eds). L.; N.Y.: Routledge, 2001. P. 15–38.
- Representing the Plague in Early Modern England / R. Totaro, E. B. Gilman (eds). L.: Routledge, 2010.
- Rolfe K. Fatal and Memorable: Plague, Providence and War in English Texts, 1625–1626 // *The Seventeenth Century*. 2020. Vol. 35. № 3. P. 293–314.
- Spinage C. A. *The Second Great Plague in Britain* // Idem. *Cattle Plague: A History*. Boston, MA: Springer, 2003. P. 161–188.
- The Promise of Infrastructure* / N. Anand, A. Gupta, H. Appel (eds). Durham: Duke University Press, 2018.
- Trigg D. *Topophobia: A Phenomenology of Anxiety*. L.: Bloomsbury, 2016.
- Williams E. A. *The Physical and the Moral: Anthropology, Physiology, and Philosophical Medicine in France, 1750–1850*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

THE FIRST QUARANTINE: HOW THE PLAGUE BECAME A POLITICAL DISEASE

ALEXANDER VILEYKIS. Founder, Center for New Philosophy (CNPh, Moscow);
Fellow, Institute of Social Sciences and Humanities, alexandro.vileykis@gmail.com.
Tyumen State University (UTMN), 23 Lenin str., 625003 Tyumen, Russia.

Keywords: plague; quarantine; London; Roberto Esposito; Ernst Gilman; medicine; biopolitics; Michel Foucault; power; control; panopticon; theater; immunity; state; England.

The great plague of 1665-1666 is one of the starting points for the birth of biopolitics in its modern form. The quarantine measures introduced by the government have been considered effective from the medical point of view since the middle of the 18th century. However, many of those contemporary with the plague were convinced that the state was only worsening matters for London's inhabitants. The author examines why the plague elicited such an ambivalent response in England and how the disease stopped being a composite object and turned into a "comfortable, domesticated" concept. The article investigates why the moral assessment of those measures has become so different over the past hundred years and shows how the quarantine in London influenced the "hygienic revolution."

Apart from its historical interest, this case is a suitable topic for the use of STS methodology because it illustrates the impossibility providing a complete description of the quarantine process and subsequent medical treatment in terms of a conflict between different actors. In order to understand why these measures have subsequently been perceived in this fashion, the author applies the concept of Lovecraftian horror, which offers a way to describe the situation of "collisions" with the plague. By describing how biopolitics released the moral tension built up by the co-existence of different interpretations of the causes of the epidemic, the author reconstructs the retrospective creation of the myth about the success of the quarantine. He contrasts the logic of "multiplicity" with the unifying descriptions and shows the kind of problems a "blurred" ontology can bring on during a crisis in everyday life. This leads to a discussion of the difficulty of holding onto unstable objects that have the potential for liberation from the logic of paternalistic care.

DOI: 10.22394/0869-5377-2021-2-127-140

References

- Agamben G. Chto takoe narod? [What Is a People?]. *Sredstva bez tseli* [Mezzi senza fine], Moscow, Gileia, 2015, pp. 36–43.
- Agamben G. *Nagota* [Nudità], Moscow, Griundrisse, 2014.
- Beecher D. Windows on Contagion. *Imagining Contagion in Early Modern Europe*, London, Palgrave Macmillan, 2005, pp. 32–46.
- Conrad L. I. Epidemic Disease in Formal and Popular Thought in Early Islamic Society. *Epidemics and Ideas: Essays on the Historical Perception of Pestilence* (eds T. O. Ranger, P. Slack), Cambridge, Cambridge University Press, 1992, pp. 77–99.
- Defoe D. *Dnevnik chumnogo goda* [A Journal of the Plague Year], Moscow, Nauka, 1997.
- Deleuze G. *What Is Grounding*, Michigan, K& Publishing, 2015.
- Deleuze G., Guattari F. *Tysiacha plato: Kapitalizm i shizofreniia* [Mille plateaux: Capitalisme et schizophrénie], Yekaterinburg, Moscow, U-Faktoriia, Astrel', 2010.
- Doty M., Waterston D., Swarm A. Rats, Witches, Miasma, and Early Modern Theories of Contagion. In: Cole L. *Imperfect Creatures: Vermin, Literature, and the Sciences of Life, 1600–1740*, Ann Arbor, University of Michigan Press, 2016, pp. 24–48.

- Durkheim E. *Samoubiistvo. Sotsiologicheskii etiud* [Le Suicide: Étude de sociologie], Moscow, Iurait, 2019.
- Esposito R. *Immunitas: The Protection and Negation of Life*, Cambridge, Malden, Polity, 2011.
- Foucault M. *Rozhdenie biopolitiki. Kurs lektzii, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [La Naissance de la biopolitique. Cours au Collège de France (1978–1979)], Saint Petersburg, Nauka, 2010.
- Gilman E. B. *Plague Writing in Early Modern England*, Chicago, London, University of Chicago Press, 2009.
- Hopley R. Contagion in Islamic lands: Responses From Medieval Andalusia and North Africa. *Journal for Early Modern Cultural Studies*, 2010, vol. 10, no. 2, pp. 45–64.
- Jiang Y. *The Mandate of Heaven and the Great Ming Code*. Seattle, London, University of Washington Press, 2011.
- Khanova P. Temnye goroda: temnaia ekologiya i Urban Studies [Dark Cities: Dark Ecology and Urban Studies]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2019, vol. 29, no. 5, pp. 71–86.
- Latour B. *Paster: voina i mir mikrobov; s prilozheniem “Nesvodimogo”* [Pasteur: guerre et paix des microbes], Saint Petersburg, European University at St. Petersburg, 2015.
- MacKay E. *Persecution, Plague, and Fire: Fugitive Histories of the Stage in Early Modern England*, Chicago, University of Chicago Press, 2011.
- McGough L. *Gender, Sexuality, and Syphilis in Early Modern Venice: The Disease That Came to Stay*, London, Springer, 2010.
- Morton T. *Humankind: Solidarity With Nonhuman People*, Brooklyn, Verso Books, 2017.
- Pantin I. Fracastoro's De Contagione and Medieval Reflection on 'Action at a Distance': Old and New Trends in Renaissance Discourse on Contagion. *Imagining Contagion in Early Modern Europe*, London, Palgrave Macmillan, 2005, pp. 3–15.
- Pelling M. The Meaning of Contagion: Reproduction, Medicine and Metaphor. *Contagion: Historical and Cultural Studies* (eds A. Bashford, C. Hooker), London, New York, Routledge, 2001, pp. 15–38.
- Representing the Plague in Early Modern England* (eds R. Totaro, E. B. Gilman), London, Routledge, 2010.
- Rolfe K. Fatal and Memorable: Plague, Providence and War in English Texts, 1625–1626. *The Seventeenth Century*, 2020, vol. 35, no. 3, pp. 293–314.
- Sennett R. *Plot' i kamen': telo i gorod v zapadnoi tsivilizatsii* [Flesh and Stone. The Body and the City In Western Civilization], Moscow, Strelka, 2016.
- Simmel G. Lichnost' Boga [The Personality of God]. *Izbr. Problemy sotsiologii* [Selected Works. Problems of Sociology], Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015.
- Sontag S. *Bolezn' kak metafora* [Illness As Metaphor], Moscow, Ad Marginem, Garage MCA, 2016.
- Spinage C. A. The Second Great Plague in Britain. *Cattle Plague: A History*, Boston, MA, Springer, 2003, pp. 161–188.
- The Promise of Infrastructure* (eds N. Anand, A. Gupta, H. Appel), Durham, Duke University Press, 2018.
- Trigg D. *Topophobia: A Phenomenology of Anxiety*, London, Bloomsbury, 2016.
- Vileikis A. “Vse na bor'bu s koronavirusom”. Pochemu voina s epidemiej privodit k total'nomu kontroliu nad liud'mi [“Challenge All to a Fight Against Coronavirus”. Why War With the Pandemic Leads to Total Control Over People?]. *Nozh* [Knife], March 13, 2020. Available at: <http://knife.media/virus-culture>.
- Williams E. A. *The Physical and the Moral: Anthropology, Physiology, and Philosophical Medicine in France, 1750–1850*, Cambridge, Cambridge University Press, 2002.